

КРОКОДИЛ

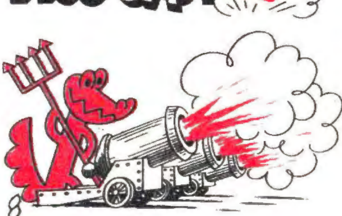
№ 11 ● апрель ● 1982

ISSN 0130-2671

— Ну, дед, раскошеливайся: дочь приехала!

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА.

— Экономия? А как же! Экономим на электроосвещении.

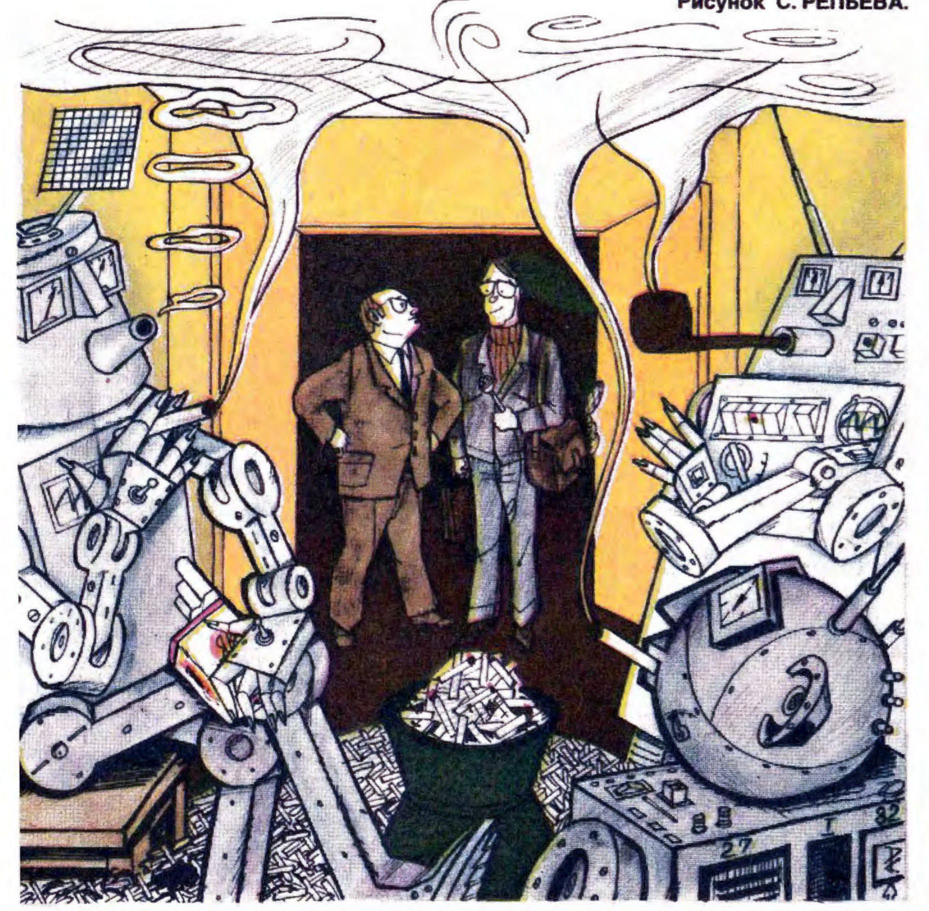
Рисунок Г. ЗАСЛАВСКОЙ.

— Вечно в нашей проходной темно — за что-нибудь да зацепишься!

Рисунок И. СЫЧЕВА.

Рисунок С. РЕПЬЕВА.

— Весь завод полностью автоматизировали, а с перекурами покончить так и не смогли!

— Эх, жаль, такой рапорт пропадает!

Рисунок Г. ИОРША.

— Оторвался от коллектива!

Рисунок М. ВАЙСБОРДА.

— Ладно, Анашкин, на работу возьмем. Но чтоб от прогула до прогула работал как зверь!

Рисунок Л. САМОЙЛОВА.

Мануил СЕМЕНОВ

НЕТ, НЕ СКУПЕРДЯИ МЫ!

Насчет этого точно: мы люди не только большого полета, но и широкой души. Не знаю даже, с чем эту широту сравнить, настолько она необъятна. Взять для примера хотя бы мою соседку Варвару Петровну. Вот уж щедрая натура! Когда она печет пироги с капустой, то об этом сразу же узнает весь квартал. Люди тянут ноздрями воздух, спрашивают друг друга:

— Где-то пирог пекут?

Дворничиха Настя терпеливо разъясняет:

— Кому же печь, как не Варваре Петровне. Ее почерк!

Истинно так, почерк ее: пирог начинен таким количеством снадобий и специй, что за версту учуешь. И притом пирог этот габаритов таких необъятных, что еле-еле в духовку умещается.

А едоков всего трое: сама хозяйка да племянник с женой, которые живут у нее. Одолеть пирог даже за два или три присеста им не по силам. Но Варвару Петровну это нисколько не огорчает. Спуская в конце недели зачерствевшие куски пирога в мусоропровод, она мечтательно говорит:

— Вот бы произвести еще пирожок с картошкой и сушеными грибами. Страсть как люблю!

Широта натуры Варвары Петровны проявляется не только в области кулинарии. Както супруга племянника принесла из магазина материал на платье и показала Варваре Петровне.

— Нравится?— спросила она.— К лету думаю сшить.

— Подходяще,— ответила Варвара Петровна,— а сколько взяла?

— Метр семьдесят пять.

— Ну вот, как украла. Купила бы метра два с половиной.

— Скрою, сколько надобно, а остатки куда девать?

— Как куда? Выбросить всегда можно.

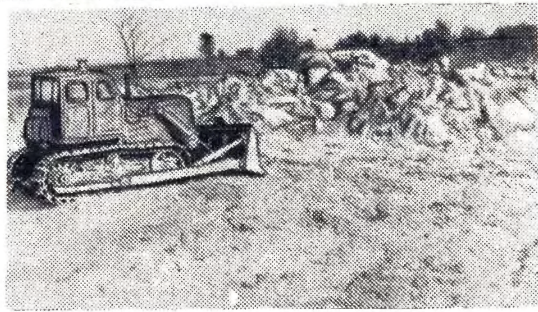
Варвара Петровна мастерица на всякого рода выбрасывания.

— Нечего скупердяйничать, над каждой крохой трястись,— любит говорить она.

Не подумайте, что я рассказываю обо всем этом в осуждение. Наоборот, я Варвару Петровну защищаю. Я бы и за перо не взялся, если бы в редакционной почте не появились отдельные нападки на широту ее натуры. Нападки косвенные, конечно.

Пишет, например, бульдозерист М. Новиков из передвижной механизированной колонны № 16, что в Славском районе Калининградской области. Он категорически высказывается против щедрости и широты. А повод такой.

В одном из хозяйств, обслуживаемом ПМК, четыре года держали под открытым небом минеральные удобрения. А когда они окончательно пришли в негодность, то М. Новикова с его бульдозером послали закапывать слежавшиеся, будто железобетонные глыбы, удобрения в землю. Двадцать два рабочих дня взламывал бульдозерист и топил в болоте окаменелые глыбы. Приблизительно два железнодорожных состава удобрений удалось ему столкнуть в пучину, но вокруг, как видно из присланной фотографии, еще лежали горы некогда чудодейственного урожайного снадобья. И на двадцать третий день он заглушил мотор машины: рабочему человеку стало невмоготу от чьей-то щедрости, обрекшей на погибель все это богатство.

«Мы осуждаем людей, выкидывающих в мусоропровод недоеденные куски хлеба (явный намек на Варвару Петровну!— М. С.), но почему не наказываем по всей строгости тех, кто подрывает основу будущего урожая?» — спрашивает М. Новиков.

Наш бульдозерист оплакивает минеральные удобрения, а вот пенсионер М. Воробьев из г. Богдановича Свердловской области пожалел... воду. Да, обыкновенную пресную, а не какую-нибудь минеральную, целебную. Он пожалел воду, которая льется из артезианской скважины, пробуренной возле деревни Савиной Пышминского района. Льется вода эта непрестанно и бурно, что видно из приложенной к письму фотографии.

А пробурили скважину некогда для нужд располагавшейся рядом птицефермы. И хотя ферма не существует с 1964 года, водичка так и хлещет день за днем вот уже восемнадцать лет...

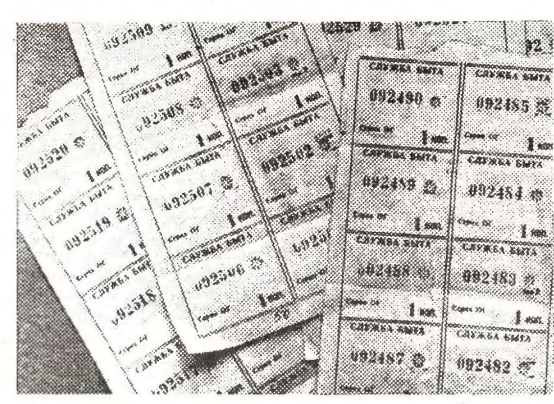
Конечно, когда без всякой нужды мы теряем тысячи тонн воды, это куда как нехорошо. А что ж тогда сказать о тысячах тонн продукции? Например, бумаги?

Вот старший преподаватель Оренбургского политехнического института Н. Кононов очень болезненно воспринимает тот факт, что студентам вузов и техникумов до сих пор рекомендуют писать курсовые и дипломные работы, рефераты и отчеты лишь на нечетной стороне листа тетради, игнорируя четную. В результате ровно половина бумаги практически пропадает. И вот Н. Кононов дотошно подсчитывает, сколько миллионов чистых листов ежегодно теряется в стране...

А между тем тороватость, великодушие, щедрость так украшают человека! Хотя, наверное, В. Киселева, бригадир карамельной линии Абаканской кондитерской фабрики, с этим не очень-то согласна. Она пишет, что ей жаль бумажек, в которые обычно заворачиваются карамельки. Нет, не тех фантиков, которые мальчики и девочки, съев конфетку, собирают для своих коллекций. А те тонны оберток, что поставляются Советской и Новокузнецкой картонажными фабриками, но из-за скверного качества не идут в дело. Бумага эта пропитана парафином, и поэтому ее даже не принимают в макулатуру — она попросту сжигается в фабричных топках. Вот В. Киселева и сокрушается по этому поводу вместо того, чтобы проявить широту души.

Еще пример чрезмерной бережливости. Жительнице Владивостока Ю. Хилевич потребовалось поместить объявление на уличной доске справок. У нее приняли текст, а взамен выдали талончики достоинством в одну и две копейки. Целую пачку!

«Неужели у городской службы быта,— спрашивает Ю. Хилевич,— так много бумаги, что она может ею столь бездумно швыряться? Ведь за копейку фактически нельзя получить никакой бытовой услуги, так зачем же нужны копеечные талоны?»

...Однако мы совсем забыли о Варваре Петровне, пора к ней вернуться.

Как-то я рассказывал ей о своем знакомом из Таллина Эдгаре. Мы ехали по городу на его машине. И Эдгар сказал:

— Сейчас мы проедем мимо моего дома, позволь, друг, я отнесу жене покупку. У нас сегодня рыбный день.

— И что же это было?— спросила Варвара Петровна.— Треска, палтус или тунец, такой пузатый и громадный?

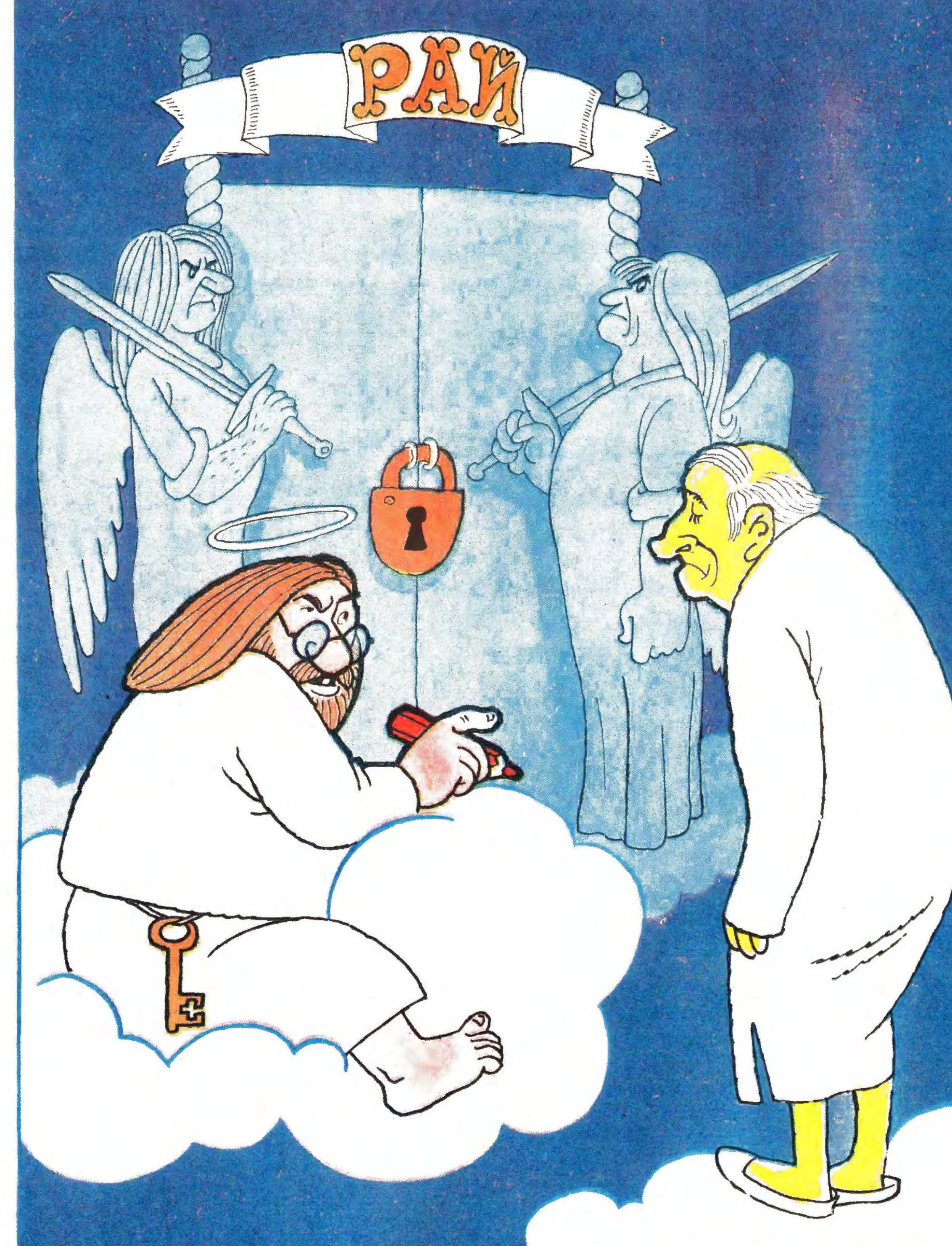
— Отнес завернутый в целлофан кусочек, в котором было граммов 350 рыбы. Да еще морковку, луковицу, три картофелины. Как раз на суп и второе для двоих.

Варвара Петровна хотела что-то сказать, но поперхнулась. Расчетливость Эдгара поразила ее. У нее в голове не укладывалось, что она в своем домашнем хозяйстве может оперировать такими мизерными количествами.

Недавно я услышал по радио, что в одной каширской школе ввели уроки бережливости. Для всех — в том числе, разумеется, и для мальчиков и девочек из тех семей, в которых заправляют повседневным обиходом широкие натуры, родственные Варваре Петровне. Учат в соответствии с мудростью, заложенной в народных пословицах: «Скуп, да не глуп», «Кто не бережет копейку, тот сам рубля не стоит», «Не постой за кроху, и рубля не станет».

Прослушал я эту информацию и подумал: а нужная ли это затея — уроки бережливости? И пригодятся ли каширским ребятам в жизни аксиомы, проповедующие бережное отношение ко всякому добру? Не лучше ли иметь широкую, как у Варвары Петровны, душу?

В самом деле, не скупердяи же мы!

— А справка о смерти есть?

Рисунок Е. ГУРОВА.

В. ЕГОРОВ

ЦЕЛЕБНОЕ СРЕДСТВО

Рассказ

Нет, правильно утверждают ученые, что в наш динамичный век без стрессов никак нельзя. Я эту научную истину и раньше стихийно чувствовал, а тут как-то в одном популярном журнальчике наткнулся на статью медицинского академика, который эти самые стрессы очень пропагандирует. И объясняет, в чем тут дело.

Оказывается, нашего первобытного прародителя стрессовые ситуации подстерегали буквально на каждом шагу. То, глядишь, мамонт на него чуть не наступил, то тигр над самым ухом рявкнул, то свой же соплеменник каменным молотком едва не огрел по башке, чтоб на облюбованную им соплеменницу не пялил глаза. И вот организм нашего далекого предка к этому приспособился. Начал в момент потрясения вырабатывать необходимые для нормальной жизнедеятельности организма вещества, как то: инсулин, адреналин, тироксин и прочие. И эту, прямо скажем, дурацкую привычку заложил питекантроп или там неандерталец в генетический код всего человечества, передал, стало быть, последующему потомству, в том числе и нам с вами. Так что у современного трудящегося адреналин, к примеру, вырабатывается, лишь когда он понсихует, а когда спокоен — подстерегают его всякие болячки. Потому как центральная нервная система демобилизована безмятежной жизнью, не на что ей, понимаете, реагировать.

Очень меня взволновала эта научно-популярная статья. В опасности, выходит, человечество. И как тут быть? А очень просто, подумал я. Если природа все меньше и меньше этих стрессов подбрасывает, то надо нам самим их организовывать, делать друг дружке, так сказать, крупные неприятности в моральном плане. Тогда всякие там инсулины будут вырабатываться не хуже, чем у питекантропов.

За все человечество я, конечно, не ответчик, а вот способствовать поднятию жизненного тонуса у членов вверенного мне коллектива готов с превеликим удовольствием, тем более, выясняется, что дело это гуманное.

Прихожу, значит, с утра на работу и первым делом коллектив зорким взглядом окидываю. Вижу, чего-то сегодня у Марьи Антоновны вид неважнецкий. Адреналин, видно, плохо вырабатывается. Вызываю ее, голубушку, к себе.

— Ты, Марья Антоновна,— говорю,— выглядишь, хоть отпевай. Белых тапочек только не хватает.

Тут, кстати, отмечу, что я в коллективе со всеми на «ты». Для демократического обращения. И хоть эта Марья Антоновна на пятнадцать лет постарше меня, исключения ей не делаю, чтоб не дай бог не подумали, что у меня кто-то в любимчиках ходит.

— Действительно, голова немного побаливает,— простодушно отвечает Марья Антоновна, не реагируя на мою бестактность.

— Просто так, — продолжаю я,— голова болеть не будет. Может, разжижение мозгов у тебя? Оформляй, если успеешь, инвалидность. У нас здесь не богоугодное заведение.

— Ох!— вскрикивает Марья Антоновна и достает, естественно, платочек. А лицо у самой красными пятнами покрывается. Пошел адреналинчик!

— Нюни нечего распускать! Микробов здесь напустишь, а может, они у тебя заразные,— заключаю я разговор и указываю Марье Антоновне на дверь... Так, одной стрессик устроил, здоровьичко подправил. Кто следующий?

Следующей оказывается Леночка Тихонравова. Давно я обратил внимание, что при встрече со мной она бледнеет и глаза в сторону отводит. Наверняка с инсулином перебои.

— Чего это ты, прекрасная Елена,— с сарказмом спрашиваю ее,— глаза прячешь? Пакость какую задумала?

— Что вы,— лепечет Леночка,— просто я хотела попросить вас отпуск мне предоставить как студентке-заочнице. Сессия у меня скоро.

— А стоит ли продолжать обучение?— иронизирую.— Что-то незаметно, чтоб у тебя ума прибавилось. В твои-то годы не на сессию надо брать отпуск, а декретный. Да только кто на тебя, недотепу, позарится?

После этого моего замечания Леночка становится пунцовой, прямо как свекла в винегрете. Инсулином, считай, на квартал обеспечена.

Ну, Леночке, сами понимаете, стресс создать было пару пустяков. А вот с Иваном Алексеевичем пришлось повозиться. Но и его пронял. Приносит он мне отчет. Закончил его точно в срок и составил, надо признать, отменно, ну, буквально не к чему придраться.

— Ни одной ошибки,— говорю Ивану Алексеевичу с улыбкой. А он, вот простота, не замечает, что улыбка-то у меня ехидная, и тоже улыбается.

— Зря зубы скалишь,— осаживаю его.— Знаешь такую народную мудрость: не ошибается тот, кто ничего не делает?

— Это меня не касается,— отвечает Иван Алексеевич и улыбаться, конечно, перестает, но цвета лица не меняет.

Тут я для закрепления стресса добавляю пару мужских выражений..

— Мне,— дрожащим голосом отвечает Иван Алексеевич,— университетское образование не позволяет ответить вам теми же словами. Но знайте, мысленно я характеризую вас идентично вашему высказыванию.

— Ах ты, шпана!— в полный голос кричу я.— Вон из моего кабинета!

А сам с удовлетворением отмечаю, что щеки у Ивана Алексеевича не отличаются теперь по цвету от его темно-серого костюма. Тироксином, значит, снабдил я его в избытке.

Вот так и начал заботиться о своих подчиненных. Каждый день то одному, то другому организую стрессовую ситуацию.

А они? Вместо благодарности начали на меня жаловаться: нетактичен, мол, хам и грубиян. А начальство тоже хорошо. Вызывает меня и говорит буквально следующее: «Товарищ Пахомов! Вы уж, пожалуйста, в разговоре с подчиненными постарайтесь сдерживать себя, выбирайте, будьте добры, выражения». И все это доброжелательным тоном, сочувственно даже.

А у меня, между прочим, здоровье тоже не железное. Бессонница в последнее время замучила. Да и голос пропадать стал — хочешь на подчиненного крикнуть как следует, а вместо этого визг какой-то несолидный выходит. Словом, мне самому эти стрессы позарез нужны. И может, было бы очень полезно, если бы на меня кулаком по столу кто стукнул?..

Кондрат УБИЛАВА, специальный корреспондент Крокодила

Тот самый лаваш

Когда бы к Грачику Багдасаряну ни пришли гости, он ставит на стол вместе со всеми яствами свежайший лаваш.

— Вай,— говорят гости, поедая лепешки,— какой вкусный лаваш. Где брал?

Грачик отшучивается:

— Где брал, там уже нет.

Но стóит какому-нибудь гостю зайти на следующий день — и снова горка свежего лаваша высится на столе.

— Слушай,— подозрительно прищуривается гость,— на рынке каждая лепешка стоит рубль. Сколько же ты тратишь на один лишь хлеб? Или у тебя собственный хлебозавод? А может, ты живешь не по средствам и у тебя в тайнике миллион, а? Признавайся, пока не поздно. Добровольное признание смягчает наказание.

Грачик хохочет и продолжает потчевать гостя.

И только совсем недавно тайна Грачика Багдасаряна была раскрыта. Оказывается, лаваш поступает к нему по почте. Бабушка Шушан, которая живет в деревне, печет своему внуку вкусные лепешки и каждый день посылает бандеролью в город.

Как только тайна была раскрыта, к Грачику началось паломничество.

— Слушай, Грачик Ашотович,— говорит паломник, отойдя с Багдасаряном в сторонку,— может, твоя бабушка Шушан сможет и нам кое-что посылать? Ну что ей стоит?

— Дорогой,— отвечает Грачик,— ты, наверное, думаешь, что у моей бабушки Шушан собственный хлебозавод? Ты, вероятно, предполагаешь, что моя восьмидесятилетняя бабушка может накормить лавашем весь Кировакан? Если ты так считаешь, ты глубоко ошибаешься...

Конечно, Грачику Ашотовичу здорово повезло с бабушкой. Но как быть тем, у кого таких бабушек нет?

Это не прихоть. В средние века армяне и грузины, отправляясь в путь, клали в сумку тот самый тонкий, почти невесомый лаваш, который мог сохранять все свои качества пять-шесть месяцев. Достаточно сбрызнуть его водой и завернуть на несколько часов в полотенце, как он снова превращается в свежий и вкусный хлеб.

Как утверждают ученые, лаваш практически безотходен. Если обычные сорта хлеба черствеют и мы его из-за этого выбрасываем, то лаваш поедается до последней крошки. Экономичность — стопроцентная!

Спрашивается: что же мешает и сегодня печь такой хлеб? Почему знакомые Грачика Багдасаряна бешено ему завидуют, а некоторые идут на рынок и покупают лаваш втридорога?

Нет, нельзя сказать, что лаваш вовсе не продается в магазинах Армении. Продается. Но, по данным Министерства торговли Армянской ССР, спрос на этот хлеб в Ереване, например, удовлетворяется на одну пятую, а в Кировакане — на одну десятую. Такая же картина и в других городах республики.

Оказывается, все дело в нехватке печей для лаваша. А кустарным способом по методу бабушки Шушан, как вы сами понимаете, для всей Армении лаваша не напечешь. Потому что, по подсчетам специалистов, республике требуется не меньше ста тонн лаваша в сутки.

Печи для выпечки лаваша разрабатывали в Москве, во Всесоюзном научно-исследовательском институте хлебопекарной промышленности, а изготавливали на заводе опытных конструкций, принадлежащем тому же институту. И надо сказать, небезуспешно. Создана механизированная линия производительностью в 650 килограммов лаваша. Каждая печь выпекает лепешку за две с половиной минуты.

Все хорошо бы, но мало. Мало одной механизированной линии.

Хлебопеки из Армении приехали в Москву и бросились в ноги заводчанам:

— Сделайте нам еще!

— Не можем,— ответили москвичи.— Разве что несколько штук. У нас ведь не серийное производство.

Тогда армянские хлебопеки наладили производство печей для лаваша на своем ремонтно-механическом заводе. Но и этот завод не сможет обеспечить потребности в печах. В прошлом году сделано четыре печи, в этом обещают еще пять. А надо по крайней мере в десять раз больше.

Неужели идти на рынок и покупать кустарную лепешку втридорога?

Армянская ССР

ОТ РЕДАКЦИИ. Получив этот фельетон, Крокодил пошел в Минпищепром СССР, к главному механику Упрхлеба В. И. Комаровой.

— А вам серийное производство печей по плечу? — спросил он напрямик.

— Ни в коем случае! У нас и заводов таких нет. Но мы договорились с Минпищепромом Армении, что они там у себя это дело наладят.

— Каким образом?

— Точно не знаю, но товарищ Казумян, замминистра пищевой промышленности Армении, обещал.

— Но ведь и у Казумяна нет таких заводов,— удивился Крокодил.— А в Минлегпищемаш СССР, который мог бы взяться за выпуск этих печей, вы обращались?

— Нет,— сказала тов. Комарова,— не обращались.

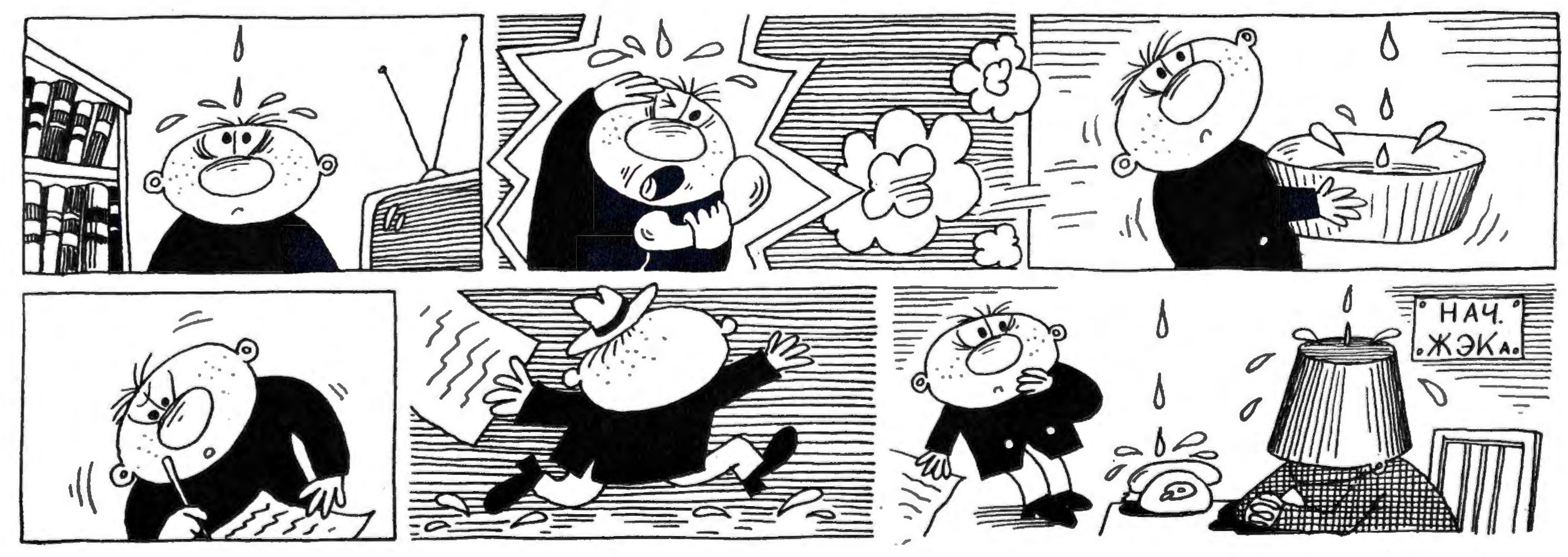
И тогда Крокодил сам обратился в Минлегпищемаш.

— Скажите,— спросил он,— ваше министерство могло бы наладить выпуск печей для лаваша, того самого хлеба, который не имеет отходов и отличается замечательным вкусом?

— Могло бы,— сказали Крокодилу в техническом управлении.— Но ведь к нам никто не обращался!

Круг замкнулся. Но Крокодил, выйдя из этого круга, продолжал думать о том, что государственная ценность лаваша выходит далеко за рамки одной республики. К тому же на его изготовление идет то же зерно, что и для других сортов. И значит, мы можем сэкономить значительные хлебные ресурсы. Так почему же причастные к хлебу ведомства столь равнодушны к этому интересному делу?

Рисунок Е. МИЛУТКИ.

ДЖОКОНДА

Снизошла —
Величаво склонилась с холста.
Неземные глаза,
Неземные уста.
Без улыбки спросила:
— Ты звал меня?
— Да!
Ведь ни с чем не сравнима твоя красота!
Перебила она:
— Я не верю в слова.
С губ слетают они,
Как с деревьев листва.
— Хочешь,
Прыгну с моста?
— А зачем тебе прыгать с моста?
— Чтоб увидела ты —
Не страшна мне теперь высота.
Окрыленный тобою,
Без крыльев способен взлететь,
А прикажешь — умри,
Я сумею, поверь, умереть!
— Что ж, умри,
Если все, что сказал, неспроста...

Я, конечно, живу.

Смотрит женщина странно с холста,
И усмешка застыла в углах ее рта.

•

Вот окна. Прозрачны. И двери открыты.
А вдруг ты вернешься, остыв от обиды?
Но тихо за дверью, как вымер весь дом...

СИДИТ ВОРОБЕЙ ЗА ЗАКРЫТЫМ ОКНОМ.

Конечно, есть выход — не в двери, так в окна!
Тебе не сумел рассказать я о стольком.
В том месте, где ты постояла,— светло...

УДАРИЛСЯ ШМЕЛЬ ГОЛОВОЙ О СТЕКЛО.

И можно сквозь стены... С разбегу, конечно,
Вернись. Я иначе могу и навечно.
Молчит телефон. Ни звонка — хоть разбей!

БЕЗ ПАМЯТИ ШМЕЛЬ. РЯДОМ С НИМ — ВОРОБЕЙ.

Фантазии, право. Ведь двери открыты.
И вот ты вернулась, остыв от обиды.
«Как жаль,— говорю,— разглядеть не успел:

СКЛЕВАЛИ ШМЕЛЯ ИЛИ ОН УЛЕТЕЛ?»

•

Пусть ворчат на нас педанты,
Знать хотим мы в плане личном —
Был ли счастлив, скажем,
Данте,
Полюбивший Беатриче?

Или вот пример — и яркий! —
Тоже из литературы:
Как писал стихи Петрарка
О Лауре без Лауры?

Что ж касается кумира
Драматургов и поэтов —
Все танцуют от Шекспира,
От Ромео и Джульетты.

Вот и я, хоть нету права
Брать себе чужие лавры,
Признаюсь — во мне три мавра,
Хоть не видел сроду мавров.

Жизнь любовью одарила,
Светит так — зимою жарко!
Жаль, что нет уже Шекспира,
Данте нет и нет Петрарки.

На семи ветрах не гаснет,
Не тускнеет от печалей...

И вздохнул на полке классик:
«Мы такую не встречали!»

•

РОМАНТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ С ПЕЧАЛЬНЫМ КОНЦОМ

На горе стоит
коза —
очень грустные глаза:
Надоело быть
козой,
захотелось —
стрекозой.

И случилось —
вот дела! —
На глазах растут крыла.
И...

взмахнула!
И...
пошла!
Кругом
около кола...
Кто-то помешал
стезе,
гору
привязав
к козе.

•

За кустами двое тихо целовались,
Ничего вокруг себя не замечали.
Три старушки на скамейке возмущались,
В полный голос, чтоб услышали, ворчали:

«Это ж надо, до чего пораспускались!
Столько времени прошло, а не устали.
В наше время, если мы и целовались,—
Зная меру и не прячась за кустами».

«Что ты, матушка! — другая тут вмешалась.—
Мы бы сроду не пошли с таким повесой.
Я, к примеру, первый раз поцеловалась
С разрешения родителей — невестой».

«Чепуха все это! — третья засмеялась,
Повела плечом, как будто молодица.—
Показать бы им, как раньше целовалась,
Я была по этой части мастерица!»

Три старушки на скамейке возмущались,
Ничего вокруг себя не замечали —
Вспоминали, как когда-то целовались,
Ну, а двое те сидели и молчали...

ГАЗ И ГАЗЫ

Белый дом дал «зеленый свет» планам увеличения производства варварского средства уничтожения людей — химического оружия. По бюджету США на 1983 год ассигнуется 810 миллионов долларов на производство новых видов химического оружия. В дальнейшем на программу химического перевооружения планируется израсходовать миллиарды долларов. Для того, чтобы подвести «моральную» базу под эту зловещую человеконенавистническую программу, американская пропаганда распространяет наглую ложь о «применении Советским Союзом химического оружия». Между тем химический продукт, которым наша страна реально «угрожает» Западной Европе,— это природный газ по проекту «Газ — трубы». Мирные торгово-экономические связи западноевропейских стран с Советским Союзом вызывают бешеную злобу за океаном. Отношению Вашингтона к двум газам — военному и мирному — посвящены наши сатирические комментарии.

РЕШАЮЩИЙ АРГУМЕНТ

Как известно, в Вашингтоне недавно было сделано леденящее кровь заявление о том, что русские неоднократно применяли химическое оружие в Юго-Восточной Азии и Афганистане. Корреспондент газеты «Дейли шок» посетил мистера О'Пуппела, авторитетного представителя осведомленных кругов, и задал ему ряд вопросов.

— Извините, мистер О'Пуппел, но читатели нашей газеты недоумевают, почему группа экспертов ООН так и не обнаружила никаких следов применения советского химического оружия в этих районах?

— Эти эксперты наивны, как вера в предвыборные обещания! Ведь само отсутствие следов и есть лучшее доказательство! Химическое оружие русских уничтожает буквально все, в том числе и следы своего применения.

— Ужасно, мистер О'Пуппел! Но, надеюсь, Америка гарантирована от химического удара русских?

— Ничего подобного! Русскими разработан сверхновый химический препарат «Sn». Мы чудом узнали о нем: в декабре у Советов произошла его утечка из хранилищ, и он выпал в виде белоснежного осадка на поля Европы. Под слоем этого убийственного порошка наши агенты не нашли ни одного зеленого растения, представляете? Все вымерзло! И ставлю три «Першинга» против одной рогатки, что этой зимой Советы уже сбрасывали этот препарат и на нас.

— Выходит, мы обречены, мистер О'Пуппел?

— Увы. Правда, кое-что дает нам шанс выжить...

— Неужели? Что же это?

— Ясно как дважды два четыре — я имею в виду четыре миллиарда долларов на наше химическое перевооружение.

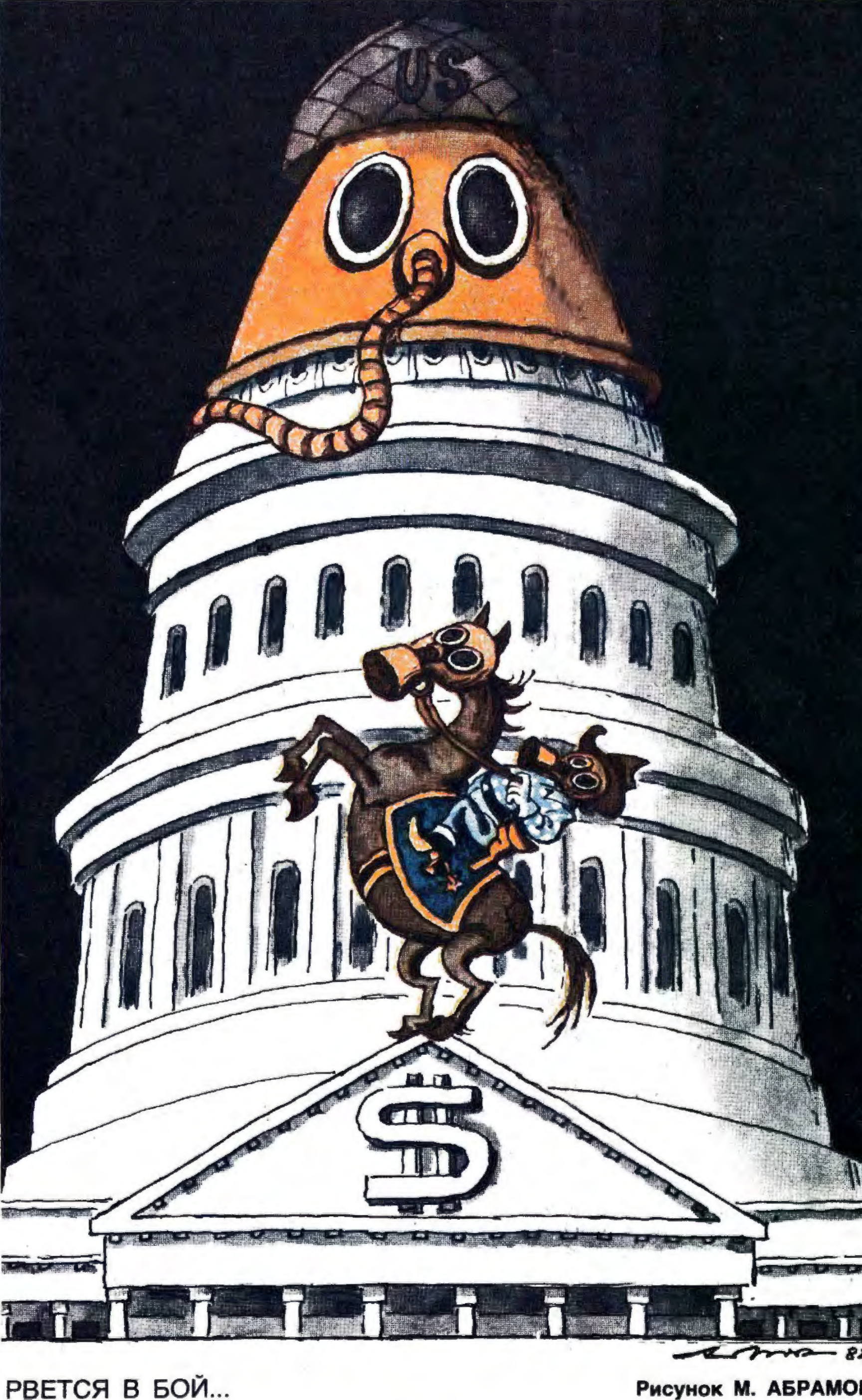
— Да, но стоит ли об этом писать? Видите ли, налогоплательщики и так... гм-гм... нервничают...

— Смотри сам, парень. Свободная пресса — она ведь потому и свободная, что чуть не то написал — и свободен. Так и запомни.

А. ХАРЬКОВ, С. ХРОМОВ.

ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС... **Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.**

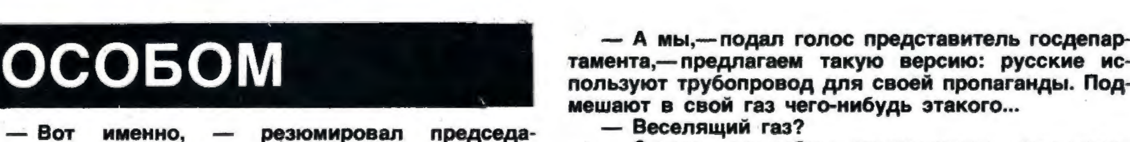

РВЕТСЯ В БОЙ... **Рисунок М. АБРАМОВА.**

— Есть крупное дело... пахнет миллионами... европейцев... **Рисунок В. МОЧАЛОВА.**

Юр. КУЗНЕЦОВ

СТАРЫМ КОВБОЙСКИМ СПОСОБОМ

Говорят, что на днях в каком-то большом белом доме в Вашингтоне состоялось совещание. И кто-то из советников хозяина дома заговорил о необходимости ускорить «газификацию Европы».

— Вы что, с ума сошли? — закричал председатель, потрясая зажатыми в кулаке телеграммами.— Русские идут в Европу со своим газом, а вы предлагаете, чтобы и мы еще тянули в Европу газопровод по дну океана?

— Никак нет,— возразил советник, оглядываясь на коллег.— Я не про тот газ, который подают по трубам, а про тот, который в баллонах. Места для складов уже присмотрены. На территории союзников. В укромных местах, под хорошей охраной.

— Вы это... про какой газ?

— Ну, про наш, конечно. Бинарный. Чем химические снаряды начиняют. Газификация, так сказать, по-нашему.

— Это другое дело. Это мы одобряем. Но только вот... как бы русские нас не опередили со своим газом. Опасность гигантская: европейцы начнут на русском газе жарить по утрам яичницу...

— И будут говорить русским «спасибо»! — с ужасом крикнул кто-то.

— В том-то и драма!

Среди собравшихся стремительно назревала истерика.

— Надо что-то делать! — заявляли одни.

— Чертовы союзнички! — восклицали другие.

— Дать им по мозгам! — предлагали третьи.

— Вот именно, — резюмировал председатель.— Активизировать нашу пропаганду, потрясти воображение западноевропейцев, внедрить в их мозги страх перед русским коварством. Жду предложений.

Первым, как и пристало военному, смело высунулся представитель Пентагона.

— Русские хотят использовать для газопроводов трубы большого диаметра, не так ли? Объявим, что они будут гонять по трубам свои ракеты с места на место. Для маскировки их мест базирования.

— Да-да! — подхватил цэзрушник.— А потом они просто возьмут и запустят по трубе в Западную Европу свои... нет, даже не ракеты, а просто боеголовки.

— А мы,— подал голос представитель госдепартамента,— предлагаем такую версию: русские используют трубопровод для своей пропаганды. Подмешают в свой газ чего-нибудь этакого...

— Веселящий газ?

— Скорее, что-нибудь усыпляющее,— разъяснил человек из госдепа.— Я имею в виду — усыпляющее бдительность.

— Все несерьезно и неубедительно,— недовольно буркнул председатель.— На ваших полудохлых утках, господа, мы далеко не улетим. Тут нужно простое и жесткое решение. А что, если арестовать представителей западноевропейских фирм, сотрудничающих с СССР в осуществлении проекта «Газ — трубы»? За решетку их! Под замок!

— Наручники применять? — оживился человек из ЦРУ.

— Э, нет! Лассо, мой друг, лассо — и волоком в тюрьму. Старым ковбойским способом.

Б. ЛИВШИН,
специальный
корреспондент
Крокодила

КОВАРНАЯ

Сложную задачу подбросила судьба Михаилу Львовичу: реши ее — отхватишь немалый куш, оплошай — будешь всю жизнь терзаться, сокрушаясь о неиспользованных возможностях.

Дело в том, что папа Михаила Львовича, владелец кооперативной квартиры, оказался в больнице, откуда ему, как утверждали врачи, уже не суждено было вернуться. Папу, конечно, жаль, но и кооперативные квартиры на улице не валяются.

— Есть абсолютно верный ход,— подсказал конструктивное решение задачи приятель Михаила Львовича.— Женись на невесте с деньгами, но без квартиры, а потом разойдись. Свою комнату ты, как джентльмен, оставляешь бывшей любимой. В свою очередь, она, как истая леди, компенсирует тебе потерю жилплощади деньгами. И ты, как не имеющий крыши над головой, переезжаешь в папину квартиру. Кстати, я знаю в Виннице одну прелестницу с фармацевтическим образованием, которая охотно покинет берега Южного Буга ради берегов Невы. Заказывай междугородный и готовь кошель под деньги!

Телефонные переговоры с Винницей прошли успешно.

— Семь с половиной не дам! Семь тысяч, и ни копейки больше,— проявила финансовую сметку фармацевтическая девушка.— Согласны? Тогда покупайте шампанское, выезжаю...

Вскоре в районный отдел загса поступило заявление Михаила Львовича и Аллы Петровны о желании создать семью, а за несколько дней до свершения радостного таинства из Винницы прилетел папа новобрачной. Сосредоточенно косясь заплывшими жирком глазками, он вымерил шагами комнату, зачем-то простучал стены и придирчиво осмотрел места общего пользования. Михаил Львович сопровождал его всюду, готовый грудью защищать достоинства родной жилплощади. Потом винницкий папа глубоко вздохнул и, раскрыв портфель так, чтобы Михаил Львович не видел его содержимого, вытащил тугие пачки пятидесятирублевок. Скрупулезно пересчитав их, папа вздохнул еще глубже и засунул пачки обратно.

— Как в госбанке, молодой человек: вы мне брачное свидетельство, я вам сумму.

— У меня принцип — деньги вперед.— Михаил Львович смекнул, что папа, видимо, парень-жох, с которым надо ухо держать востро.— Ведь как по закону? Сначала платишь, а потом получаешь товар.

— Закон в наши отношения не втягивайте. Он сам по себе, мы сами по себе,— отпарировал папа-жох, чем окончательно растравил подозрительность Михаила Львовича.— Месяц дочь жила у вас, что подтверждает серьезность наших намерений, а с моей кредитоспособностью вы только что познакомились.

Михаил Львович не сдавался: вначале деньги, потом узы Гименея. Невестин папа стоял на своем. Трехчасовые пререкания переросли в ссору, и сделка сгорела на корню.

А спустя несколько месяцев бывшая невеста поразила несостоявшегося супруга сообщением, что она благополучно разродилась двумя симпатичными близнецами и теперь подает в суд, чтобы, согласно закону, Михаил Львович вносил свою долю на содержание малюток.

— Ага! — вскричал в суде Михаил Львович.— Глядите, теперь она вспомнила, что есть законы! А когда готовилась вступить со мной в фиктивный брак, она о законах помалкивала! Я и не думал сходиться с этим безнравственным фармацевтом! Между нами были исключительно деловые отношения. К тому же я, по некоторым свойствам своего организма, вообще не могу иметь детей. Пошлите меня на медицинскую экспертизу! Я верю, что закон, который я намеревался обойти, не попомнит зла и не допустит посягательств коварной аферистки на мою финансовую свободу!

Медицина подтвердила, что Михаил Львович обречен на бездетность, благодаря чему ему и удалось отразить покушение Аллы Петровны на многолетнюю эксплуатацию его кармана. Но, избежав ловушки, расставленной предприимчивым винницким фармацевтом, Михаил Львович не ускользнул от ответственности за свои махинации. Он был лишен жилплощади, которой пытался спекулировать.

В Виннице подрастают близнецы. Оберегая их от моральной травмы, мы не публикуем фамилии и адреса героев нашего фельетона. Надеемся, что брачные аферисты и так зарубили себе на носу: законы уважать надо всегда. А не только в те периоды, когда это тебе кажется выгодным.

г. Ленинград.

Вот такие пироги!

ГАЛАНТНОСТЬ

Благовоспитанный мужчина наверняка промолчит, ежели какая-нибудь прелестница сбросит со счетов пару набежавших лет. Только невежа поступит иначе. А как охарактеризовать председателя Сивухского сельсовета Р. Магомедсаипова, который состарил свою благоверную на целых четыре года? Причем вполне официально, сделав аккуратную поправку в так называемой похозяйственной книге. Правда, обиды со стороны супруги не наблюдалось. Да и грешно было бы обижаться — в течение двух лет ей набежало 1260 рублей пенсии, назначенной на четыре года раньше срока. Однако, когда с помощью односельчан все выяснилось, процесс омоложения справедливо совпал с судебным процессом в народном суде Хасавюртовского района. Супруге были возвращены утраченные лета, а взамен приплюсованы три года лишения свободы условно.

В отличие от бестактного председателя сельсовета джентльменом проявил себя в том же районе председатель колхоза «Заветы Ильича» Османов. В отместку за критику, которой подвергла его колхозница П. Ханмагомедова, он написал прокурору, будто она куда моложе, чем это указано в ее пенсионных документах. Вслед за ним блеснул тактом и прокурор Хасавюртовского района Ашурлаев, по настоянию которого колхозница была лишена пенсии.

Об этих некорректных действиях обоих председателей нам написала П. Ханмагомедова. Ее письмо было переслано в прокуратуру Дагестанской АССР. Как нам сообщили, при дополнительной проверке выяснилось, что бывший председатель Сивухского сельсовета Р. Магомедсаипов состряпал подложные документы, по которым не только его жена получала пенсию преждевременно, но и он сам перехватывал сверх зарплаты немалые деньги. Материалы о злоупотреблениях Р. Магомедсаипова переданы следственным органам.

Что же касается дела П. Ханмагомедовой, то сообщается, что пенсия ей назначена правильно. Прокурору Хасавюртовского района Ашурлаеву за необоснованное приостановление выплаты пенсии колхознице объявлен выговор.

МАЛО ТОГО...

Мало того, что директор совхоза «Дубровский» Красноармейского района Челябинской области С. Гуреев повелел соорудить баню из средств, отпущенных на капитальное строительство, он еще распорядился в нее никого, кроме руководящего состава, не пускать. Поручено это было, между прочим, очень надежному и бдительному стражу, который числился в штате жилищно-коммунального отдела. Мало того, что С. Гуреев таким образом отделил себя от рядовых товарищей, он еще и хамил им. Понятно, грубость не всякому приходится по душе, и неспроста за последние годы из «Дубровского» уволилось много работников. Об этом в редакцию написали рабочие совхоза.

Как сообщил нам секретарь Челябинского обкома КПСС тов. А. Плеханов, письмо было проверено на месте работниками партийной комиссии при обкоме КПСС, сельхозотдела и производственного объединения «Челябинскскотопром». Факт незаконного строительства бани подтвердился. Действительно, продолжительное время мыться в ней дозволялось только руководящему составу совхоза. Однако после профсоюзной конференции, на которой директор подвергся за это и другие прегрешения серьезной критике, баню открыли для всех. Подтвердилось и то, что во многом из-за нетерпимой обстановки из совхоза уволились 33 специалиста и 579 рабочих. При проверке выяснилось, что дирекция и общественные организации совхоза мало уделяли внимания культурно-массовой работе с молодежью, недостаточно заботились о ее бытоустройстве.

Материалы проверки направлены в Красноармейский райком КПСС для принятия мер. Как дополнительно сообщил секретарь райкома тов. А. Василиженко, директору совхоза «Дубровский» С. Гурееву объявлен строгий выговор.

ДВОЕЖИТЕЛЬ

Так уж получилось, как нам написала читательница Н. Зотова, что самым каверзным для бывшего заместителя начальника жилищно-коммунальной конторы строительно-монтажного треста № 74 г. Кургана Н. Ефанова был ерундовый вопрос: «Где вы живете?» Заслышав его, Н. Ефанов заводил уклончивые речи. Действительно, не мог же он прямо бухнуть: «По понедельникам, средам и пятницам проживаю на служебной площади, а по вторникам и четвергам — в собственной кооперативной квартире...»

А началась маета с того, что после получения полагающейся ему по работе служебной площади Н. Ефанов выстроил двухкомнатную кооперативную квартиру. Тут бы взять и сдать служебную. Да как-то стало обидно. Во-первых, выходит, вроде сапожник без сапог, а во-вторых, уставая от строительства еще и собственной дачи, он только на служебных метрах и находил отдых. Не отлеживаться же в кооперативной, где вся семья толчется...

Однако эта страсть к многоквартирным владениям была признана партийными органами г. Кургана несовместимой со званием коммуниста. Н. Ефанов исключен из рядов КПСС и отстранен от занимаемой должности. Служебная площадь им освобождена.

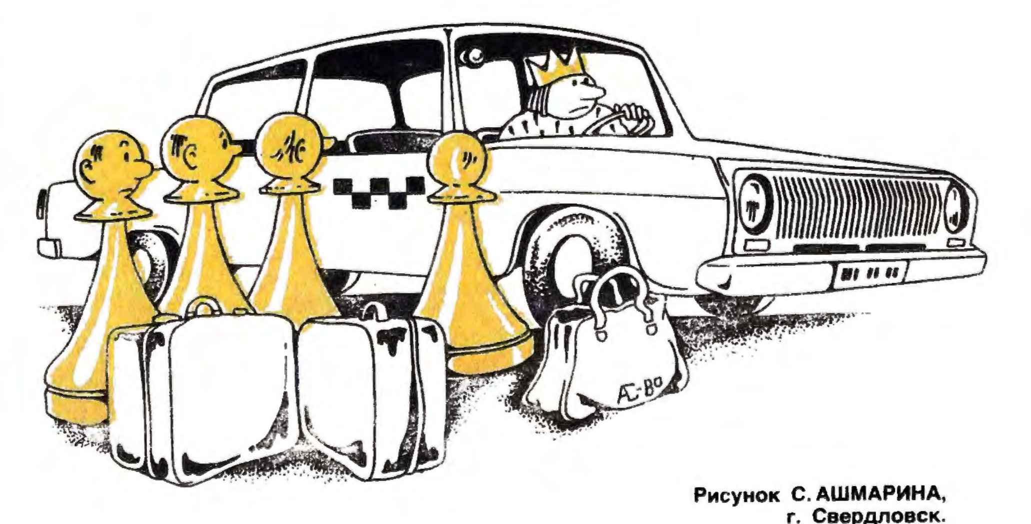

Рисунок С. АШМАРИНА, г. Свердловск.

КРОКОДИЛИНКИ

— Лыжню!

Рисунок Е. МИЛУТКИ.

СОВРЕМЕННЫЙ СИЗИФ.

Рисунок Р. САМОЙЛОВА.

— С прошлого сезона лежит — вымаливает штрафной.

Рисунок В. ВЛАДОВА.

Рисунок В. ВЛАДОВА.

СЛУЧАЙ С ДИРЕКТОРОМ ХИМЗАВОДА.

Рисунок Н. МАЛОВА.

ПО ТОМУ ЖЕ ПОВОДУ

БЕЗ КОНСИЛИУМА НЕ ОБОЙТИСЬ

У москвича Ю. С. Мартынова забастовал телевизор. Телеателье № 10 направило механика, который установил: надо заменить трансформатор, но, поскольку ателье таковыми не располагает, ремонт произвести невозможно...

Пришлось Ю. С. Мартынову самому заняться поисками дефицитной детали. Нашел, затратив на это несколько месяцев. Снова телеателье направило механика, уже другого. Который обнаружил: дело вовсе не в трансформаторе и менять его не надо. Тут, конечно, телевизор был отремонтирован достаточно оперативно.

Следствие по этому делу вели «Не знатоки» в фельетоне «Операция ТВС-11ОЛА» (№ 25, 1981 г.).

Генеральный директор Московского производственного объединения «Электрон» Э. Н. Филиппов откликнулся на фельетон. Он довел до сведения редакции, что допустивший ошибку радиомеханик тов. Захаров строго предупрежден, а перед владельцем телевизора извинились.

Хорошо. А что же делать, чтобы такие ошибки не повторялись?

Тов. Филипповым предложено было установить строгий контроль силами бригадиров и мастеров производственных участков за определением дефектов линейными радиомеханиками.

Надо полагать, это будет выглядеть так: вслед за механиком на следующий день появится бригадир, чтобы снова осмотреть телевизор и подтвердить диагноз механика. А уж послезавтра, возможно, явится мастер для проверки предыдущих диагностов.

Так, может, коли нет доверия к первой инстанции, разумнее ликвидировать ее вообще? Пусть уж сразу приходит бригадир.

Никита БОГОСЛОВСКИЙ

ПЕРЕВОДЧИК-УНИВЕРСАЛ

Он может и с немецкого,
Он может и с ненецкого,
Он может и с балкарского,
Он может и с болгарского,
Он может и с этрусского!..
При скверном знаньи русского...

Сергей ПИТИРИМОВ

ПАУК-ПЛАГИАТОР

Не ведая забот,
Не зная мук,
Чужие мысли
Ловит он,
Как мух.

— Иди прочь! И так напечатают. У меня связи.

Рисунок Б. САВКОВА.

В. СИНЦОВА, специальный корреспондент Крокодила

Наслоение тайн

Истошно и негодующе затрезвонил телефон.

— Слушаю,— сказала я.

— ...цать девять двадцать восемь? — раздался ясный голос междугородной барышни.— Не кладите трубку, Калуга на проводе.

Клокотанье, пиротехнические шипения и взрывы...

— Алло! Калуга! — взывала я.

Из дальнего далека, вроде бы не из Калуги, а по крайней мере из Ванкарема, с Чукотского взморья, запищал прерывистый голосок:

— Срочно... Выезжайте... Записывайте: «модульоны... триглифы... глубокая старина... диски, вставленные в метопы...»

Я лихорадочно записывала. Но тут голосок пропал. Навсегда.

Было ясно одно: Калуга просит помощи. Что-то случилось с неведомым мне набором таинственных модульонов, триглифов и вставленных в метопы дисков.

Модульоны... Не медальоны ли — преданья старины глубокой?.. По пути на вокзал я на всякий случай зашла в комиссионный магазин. Нет, ни триглифами, ни модульонами там не торговали. Правда, у входа заросший человек в дубленке вполголоса предложил мне диски Глории Гэйнер, Нью-Йорк. Я встрепенулась:

— Нью-Йорк? А Калуги нет? А диски у вас — в метопах?

Дубленка слиняла...

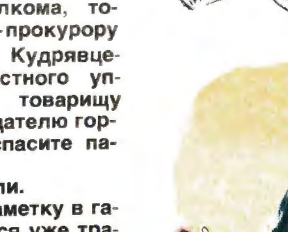
Но в Калуге мне повезло сразу! Коллеги из областной газеты «Знамя» поняли меня с полуслова:

— Ну, конечно же, это про «дом Сперанских»! Деревянный дом, выстроенный еще в 1814 году, после Наполеонова нашествия. Памятник деревянного зодчества, в стиле русского классицизма. В 1963 году взят под охрану государства.

— А все-таки, что это за штуки? — и я добросовестно перечитала запись в блокноте насчет модульонов и иже с ними.

— В них все и дело,— объяснили мне.— Модульоны венчающего карниза, фриз с триглифами и дисками, вставленными в метопы,— это уникальные украшения, выполненные искусными калужскими умельцами, плотниками и столярами.

Тайна была раскрыта. Коллеги рассказали мне длинную грустную повесть о том, как областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры хлопотало о реставрации дома. Писали письма товарищу Синявскому — председателю Московского райисполкома, товарищу Шарафанову — прокурору города, товарищу Кудрявцеву — начальнику областного управления культуры, товарищу Петровскому — председателю горисполкома, дважды: спасите памятник старины!

Ответов не получили.

Тогда напечатали заметку в газете. По установившейся уже традиции ответа тоже не получили.

Отчаявшись, тиснули еще одну публикацию.

Тут вдруг получили ответ: областное управление культуры, горисполком, райсовет приняли-таки решение о реставрации!

— Ура! — сказала я.— И раз уж я приехала, хочу взглянуть на эти самые метопы. Для полноты впечатлений.

— Понимаете ли...— замялись газетчики.— Дело вот в чем: в период ожидания ответов дом несколько похилился, впал в аварийное состояние. И реставрировать его решили, предварительно разобрав. Но все детали маркированы, антисептированы и складированы. И вышеупомянутый товарищ Кудрявцев распорядился хранить их на базе научно-реставрационной производственной мастерской, в бывшей церкви.

— Это хуже, конечно,— сказала я.— Ну, ничего. Взгляну на метопы в разобранном виде.

Состоялось посещение базы. Меня сопровождали официальные лица:

заместитель главного архитектора города А. С. Днепровский;

член президиума Совета областного отделения общества охраны памятников истории и культуры В. Д. Поляков;

главный инженер реставрационной мастерской В. М. Белоусов, ответственный за перевозку и хранение разобранного дома.

В церкви было страшновато и пусто. Гулко отдавались наши шаги.

Модульонов, триглифов, метоп не было. Дом исчез.

Так и не узнала я, как они выглядят, эти чудесные архитектурные детали уникального дома...

Вместо одной, раскрытой, тайны появилась вторая: где же ты, «дом Сперанских»?

Одна надежда осталась: тайну раскроет городской комитет народного контроля, тем более что горсовет обратился к нему с просьбой привлечь к ответу руководство реставрационной мастерской.

г. Калуга.

Рисунок А. ПОМАЗКОВА.

— Знаете, я не хочу вас обидеть, но сочинения о пришельцах из космоса и летающих тарелках читателю порядком надоели...

Рисунок Н. ЕЛИНА.

Мих. КАЗОВСКИЙ

ОТЕЛЛО—82

Автор попытался представить себе, как четыре наших известных и уважаемых драматурга могли бы интерпретировать сюжет шекспировского «Отелло». И в результате вышли вот эти дружеские шаржи...

Братец Яго

(ВИКТОР РОЗОВ)

Действующие лица:

ОТЕЛЛОВ — талантливый ученый.
ДЕЗДЕМОНА ОТЕЛЛОВА — его жена.
ЯГОВЛЕВ — его двоюродный брат.

Столовая - гостиная - спальня в квартире Отелловых. Пошло, вычурно, по-мещански подобранная мебель: два зеркальных шкафа, три козетки, четыре горки и пять трюмо. Отеллов сидит, скрючившись на маленьком пуфике, и увлеченно строчит докторскую диссертацию. Сбоку, на раскладушке, в ботинках и трусах лежит Яговлев.

ЯГОВЛЕВ *(тоскливо)*. Тоска!

ОТЕЛЛОВ *(не отрываясь от рукописи)*. Балаболка ты.

ЯГОВЛЕВ *(вскакивает)*. Да ты посмотри вокруг, оглянись! Во что превратился твой дом, твоя жизнь?! Деньги и вещи... А эта дура, эта прорва...

ОТЕЛЛОВ. Не смей так о ней говорить! Стручок!

ЯГОВЛЕВ. А-а, рот затыкаешь, правды боишься! Ты опустился! Из крупного ученого стал мелким обывателем... Вся эта мебель... квартира... Душно у нас, душно!..

Входит Дездемона.

ДЕЗДЕМОНА. У меня пропал японский носовой платок, который ты мне привез с симпозиума в Лиленшвагене.

ОТЕЛЛОВ *(пожимает плечами)*. Завалился куда-нибудь...

ДЕЗДЕМОНА. Ты думаешь? А мне вот кажется... *(Выразительно смотрит на Яговлева).* Где платок, прихлебало?

ЯГОВЛЕВ *(вытаскивает его из кармана)*. На́, на́, подавись, жадина!

ДЕЗДЕМОНА. Боже мой... что он с ним сделал?..

ЯГОВЛЕВ. Ничего я не делал — высморкался и все!

ДЕЗДЕМОНА *(бледнея)*. Хулиган... хулиган... гадина!.. *(Кидается на Яговлева, душит его).*

ОТЕЛЛОВ. Какие вы оба злющие!

ЯГОВЛЕВ *(хрипит)*. Пусти... ненормальная! *(Вырывается).* Ты?.. Меня?.. Из-за платка?! *(Выхватывает из-под Отеллова пуфик и начинает им бить зеркала).* Вот вам, вот вам! *(Увертывается от Дездемоны, убегает.)*

Дездемона падает на вторую козетку, Отеллов гладит ее, целует.

ДЕЗДЕМОНА. Чтобы он... в нашем доме... больше никогда!..

ОТЕЛЛОВ. Никогда, никогда. Ты же видишь — он убежал. В поисках радости.

ДЕЗДЕМОНА. В добрый час!..

Дездемониха

(АНАТОЛИЙ СОФРОНОВ)

Действующие лица:

ДЕЗДЕМОНА ВЕНЕЦИАНЕНКО — заведующая станичным бистро «Вареник з вишнею».
МАВРЕНЕЦ — бригадир полеводческой бригады.
КАССИОНЮК — комбайнер, участник художественной самодеятельности.
ДЕД ЯГОВ — юморной старик.

Действие происходит, естественно, на Кубани. Вход в станичное бистро. Стеклянная дверь, на которой табличка: «Горилки нема». На завалинке сидит дед Ягов в кубанке и с берданкой. Входит Мавренец. В руке у него подшипник от мотовила.

МАВРЕНЕЦ. Слухай, дидусь, ты Кассионюка не бачив?

ДЕД ЯГОВ. А як же? Зесь он, с утречка возле твоей Дездемонихи отирается. Оце коллега! Чуешь?

МАВРЕНЕЦ. Ты шо, дед, сказился? *(Играет желваками и подшипником.)*

ДЕД ЯГОВ. Тю-ю, не веришь? А ты спытай: Дездемона Серахвимовна, иде тот платочек, шо я вам подарил к международному бабьему дню Восьмое марта? Ась? Тут уж она оглавушится напрочь. Бо платок — у Кассионюка!

МАВРЕНЕЦ. Задушу подлую!

ДЕД ЯГОВ. Як задушишь?

МАВРЕНЕЦ. Старым казачьим способом! *(Бросает оземь подшипник, вбегает в бистро.)*

Там, перед стойкой, сидит Кассионюк и хлебает из миски борщ с галушками. Рядом Дездемона взбивает коктейль.

ДЕЗДЕМОНА. Кушайте, Трохвим Тимохвеевич, на здоровьичко! Добавки желаете?

КАССИОНЮК *(облизывая ложку и миску)*. А щё ж? Не откажусь...

МАВРЕНЕЦ. А може, хватит? Отвечайте со всей сурьезностью: иде мой подарочный платок, куды он запропастился?

КАССИОНЮК *(показывает руку на перевязи)*. Оце бачишь?

МАВРЕНЕЦ. Добре! Сейчас смертоубийство вчиню! Обоих жизни решу! *(Бросается к Дездемоне.)*

Та бьет его по голове оповником, Мавренец падает.

ДЕЗДЕМОНА. Мало тебе? Ишо добавить?

МАВРЕНЕЦ *(со стоном)*. Спасибочки... Сыт по горло...

ДЕЗДЕМОНА. Думать надо, товарищ бригадир! Кассионюк жаткой палец поранил, я ему рану-то платком и перевязала, та йодом смазала для прохвилактики.

МАВРЕНЕЦ. Ото я ж так и думал... Ты уж извиняй меня, Дездемона Серахвимовна... Дед Ягов меня в сумнение ввел. Хай ему грец!

ДЕЗДЕМОНА. Хай, хай...

Кассионюк снимает с руки платок, достает из-за стойки баян и голосом Нани Брегвадзе поет: «Ах, эта сладкая малина с родной кубанской стороны...»

Старомодная трагедия

(АЛЕКСЕЙ АРБУЗОВ)

Действующие лица:

ДЕЗДЕМОНА КАРЛОВНА — женщина на склоне.
МАВР НИКОЛАЕВИЧ — мужчина на том же.

ДЕЗДЕМОНА *(в публику, игриво, загадочно)*. Ее последняя ночь...

Мрачная палата психокардиологического санатория. Двенадцатый час. Из раскрытого настежь окна доносится запах увядающей флоры и вымирающей фауны. Слышатся звуки далекого эстрадно-симфонического оркестрика. Дездемона Карловна, с распущенными седыми кудельками, в ночном пеньюаре, полулежит на казенной койке и напевает модную песенку душераздирающим баритоном. Входит Мавр Николаевич. В его руках предательски дрожит карманный фонарик.

МАВР *(споткнувшись, чертыхаясь)*. Проклятье! *(Морщится.)* Какого лешего вы положили у порога полено?! *(Прикусывает нижнюю губу, а потом верхнюю.)*

ДЕЗДЕМОНА *(хохочет со слезами на глазах)*. Это не полено, это обломок моей жизни... *(С надрывом.)* Что вы знаете о жизни? Обо мне? О них? Обо всех? Что есть жизнь? Зачем мы живем? Для чего? *(Рыдает, смеется.)* Не молчите же! Когда вы молчите, то напоминаете моего четвертого мужа — он работал в зоопарке подрезателем крыльев у птиц... *(Грустно.)* Для чего вы явились в столь поздний час?

МАВР *(поправляет галстук)*. Вы своим пением... *(Поправляет пиджак.)* Не даете спать всему санаторию! *(Поправляет брюки.)*

ДЕЗДЕМОНА *(мечтательно)*. Разве в такую ночь можно спать? *(Порывисто.)* Всмотритесь, вслушайтесь, внюхайтесь! Взгляните на небо, на звезды, на Млечный Путь... Вполне вероятно, там тоже обитают разумные старики, которые тоже мучаются, тоскуют по-чеховско-арбузовски... Мой седьмой муж был астрономом. Каждый раз, когда я у него спрашивала, почему он не ночевал дома, он отвечал, что сидел у телескопа в обсерватории...

МАВР *(передергиваясь)*. Перестаньте, перестаньте нести этот вздор, эту чушь! Мне надоели ваши сказки старого Арбата! Замолчите! Или я не знаю, что с вами сделаю!

ДЕЗДЕМОНА. О-о, воображаю! Вы исключите меня из санатория без права восстановления и без возврата денег! Как страшно!..

МАВР. Я задушу вас!

ДЕЗДЕМОНА *(брезгливо)*. Оставьте. Разве вы способны на решительный шаг? Мой одиннадцатый муж был драматургом. Он писал мелодрамы. И однажды...

МАВР. Не могу больше! *(Душит ее, но внезапно хватается за сердце и оседает на пол.)*

ДЕЗДЕМОНА *(философски)*. Вот видите, я же говорила: в вашем возрасте нельзя напрягаться. Мой бедный, бедный Маврат... Ну, ничего: завтра я уеду, и все будет кончено.

МАВР. Вы... разве уже завтра? Но послушайте... я без вас не смогу... без этих ваших жестоких игр... Вы хоть понимаете это?

ДЕЗДЕМОНА. Понимаю. Но поймет ли нас зритель?

МАВР. Поймет! У нас самый понимающий зритель на свете!..

Убийца

(МИХАИЛ ЖВАНЕЦКИЙ)

ОТЕЛЛО *(трясет платком)*. Дездемона, это что такое?

ДЕЗДЕМОНА. А?

ОТЕЛЛО. Я говорю: Дездемона, это что такое?

ДЕЗДЕМОНА. Что?

ОТЕЛЛО. Вот это, говорю, что такое?

ДЕЗДЕМОНА. Где?

ОТЕЛЛО. Вот это, вот это, вот это!

ДЕЗДЕМОНА. Ах, Отелло, не говорите загадками! У вас что-нибудь случилось, да? Не скрывайте, я вижу, что-то случилось!

ОТЕЛЛО. Да! Но не у меня, а у вас! Вы мне изменили — с Кассио!

ДЕЗДЕМОНА. Это платок.

ОТЕЛЛО. Вы о чем? Вы о чем?

ДЕЗДЕМОНА. Я не понимаю: если вы спрашиваете, то я буду отвечать, а если нет, то можете идти.

ОТЕЛЛО. А Кассио? Где Кассио? Где?

ДЕЗДЕМОНА. Ну, вы шутник! Ворвался посреди ночи в спальню и шутит!

ОТЕЛЛО. Молчать! Говорите по-су-щест-ву! Вы находились с ним в любовной связи?

ДЕЗДЕМОНА. Свя́зи?

ОТЕЛЛО. Свя́зи.

ДЕЗДЕМОНА. Или связи́?

ОТЕЛЛО. Связи́.

ДЕЗДЕМОНА. Или свя́зи? Как правильно? Почему вы меня хотите запутать? Зачем вам это нужно?

ОТЕЛЛО. Вы подарили Кассио платок! Да? Или нет?

ДЕЗДЕМОНА. Да. Или нет. Или да?

ОТЕЛЛО. Отвечайте! Что у вас было до того?

ДЕЗДЕМОНА. До того — или после?

ОТЕЛЛО. До того, до того, до того!

ДЕЗДЕМОНА. Отелло, вы убийца.

ОТЕЛЛО. Я не убийца, я Аваз. Грузин. Или нет — я доцент. Тупой. Меня зовут Степа.

ДЕЗДЕМОНА. Правильно. Так и говорите. Если спросят.

ОТЕЛЛО. Кто спросит?

ДЕЗДЕМОНА. Кто надо. «Нет, не был, не имел, не участвовал, не привлекался, тридцать шесть и шесть, по утрам — прозрачная».

ОТЕЛЛО. Стоп! У меня что-то с головой...

ДЕЗДЕМОНА. Идите. И молитесь на ночь. По-одесски. Чтобы всем было весело. *(В публику.)* Ребята, давайте жить весело!..

С ПЕСНЕЙ ПО ЖИЗНИ

Он выходил на сцену молодой, красивый, светящийся радостью. Так было в тридцать лет, в шестьдесят, в семьдесят пять. Всегда одинаково.

Он обращался к зрителям, и каждому в зале казалось, что он обращается именно к нему.

— У меня нет голоса,— чуть смущаясь, говорил он,— но я буду петь. Сердцем.

И зал взрывался аплодисментами. Равнодушных не оставалось. Все уже давно знали этот голос сердца. И называли его интимно: утесовский.

И еще была улыбка. Добрая, чуть лукавая, неповторимая — утесовская. И зрители улыбались в ответ, зная, что сейчас последует нечто забавное, уморительное, пронизанное юмором и иронией, утесовское.

Он не просто пел песни, он открывал их и приносил в дар слушателям. Он открывал поэтов и композиторов. И по-ребячьи радовался, если его открытие было признано.

Помню, в конце тридцатых годов перед концертом в парке ЦДКА он отвел друзей в сторону и шепнул:

— Я очень волнуюсь. Я открыл великолепного композитора. И сегодня буду впервые петь его песни. Как примут их слушатели?

Слушатели приняли. И не только находившиеся в зале. Этим композитором был Соловьев-Седой.

Открытия продолжались. Композиторы Николай Минх, Аркадий Островский, Владимир Шаинский начинали музыкантами в оркестре Утесова.

Он любил песни-раздумья и песни-шутки. Как-то, в последние месяцы войны, Утесов предложил мне написать оптимистическую песенку о родном доме, который ждет солдата.

Я написал стихи. Композитор Никита Богословский положил их на музыку. Утесов прослушал песню, на мгновение задумался и сказал:

— Послезавтра запись.

— К чему такая спешка? — спросил кто-то из оркестра.

Утесов ответил:

— Не думаете ли вы, что солдаты будут ждать, пока вы раскачаетесь? Они вот-вот окончат войну.

Через несколько дней песня «Домик на Лесной» звучала в эфире.

Леонид Осипович не только пел, шутил и руководил одним из лучших эстрадных ансамблей страны. Он писал статьи, рассказы, печатался в «Крокодиле». У него вышло несколько книг, которые ни на минуту не задерживались на книжных полках.

Он дружил с крокодильцами. Каждый из нас считал за честь сочинить что-нибудь для Утесова.

Он писал и стихи. Разные — веселые и грустные. Вот одно из последних. Ироническое, хотя и печальное.

Машина подана!
Водитель баба. Злится.
В руках ее коса.
Судьбы не изменить.
Нет, я не вызывал.
Но знал — она примчится.
И скажет: «Я за вами!
Сколько можно жить!»
А счетчик щелкает.
Не годы, а десятки.
Но я не тороплюсь.
Живу я неспроста.
Попробую
сыграть с шофером в прятки.
Пусть счетчик щелкает...
хотя б до ста...

Увы, счетчик остановился, не добрав тринадцати до заданной цифры.

Крокодильцы — писатели, поэты и художники — склоняют головы, скорбя о друге и соратнике по жанру. Он всю свою жизнь доставлял людям радость. С первого дня, когда шестнадцатилетним юношей впервые вышел на эстраду, и до последнего дня.

Семьдесят лет активной деятельности на радость людям!

Н. ЛАБКОВСКИЙ.

МИМОХОДОМ

Зла в душе не держал. Мстил сразу.

Если уж выходить в люди, то в свои.

Ю. МЕЗЕНКО.

Что делать, если песенка спета, а тебя вызывают на «бис»?

НИК. НАЗАР.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

— Ты уже достаточно взрослый, чтобы знать, что маленькие мальчики не курят!

«Трамплин», Бельгия.

«Нью-йоркер», США.

«Дикобраз», Чехословакия.

Разговор о собаках.

— Моя собака умна, как я!

— Это удивительно. Обычно большинство людей хвалит своих собак.

— Вы остановили машину прямо на пешеходном переходе. Это запрещено правилами,— строго говорит полицейский.

— Ну и что? — удивляется молодая автомобилистка.— Я ведь открыла дверцы машины, чтобы люди могли свободно проходить.

— Когда наш сосед мистер Джонс сменил мебель, мы тоже купили новый гарнитур,— сказал Ричардсон своей жене.— Едва он привез новый цветной телевизор с большим экраном, ты заставила меня сделать то же. Я уже не говорю о том, сколько нам стоила новая машина, которую пришлось купить из-за них! Ладно, бог с ними, но что делать сейчас?

— А что, у Джонса опять новая покупка?

— У него новая жена!

Жена читает вслух газету, где сообщается о сильном наводнении во Франции, убытки от которого составили несколько миллионов франков.

— Ну вот, — пробормотал муж,— а ты всегда твердишь, что во всем виноват алкоголь.

— Ты не знаешь, почему О'Брайен живет в такой роскоши?

— Из-за недостатка доказательств.

— На помощь! Помогите! То-о-ну-у!

— Сожалею, мсье, но вода холодная, а у меня уже есть медаль за спасение утопающих.

Старушка позвонила утром сыну и попросила его срочно приехать.

— По-моему,— сказала она,— в стенном шкафу, что в моей комнате, сидит вор.

— Почему ты так думаешь?

— Я слышала покашливание и какую-то возню.

— Что же ты сразу меня не вызвала?

— Не хотелось так поздно беспокоить тебя из-за ерунды. Я заколотила шкаф гвоздями и пошла спать.

Денчо ВЛАДИМИРОВ
(Болгария)

Усы на конкурс

Однажды утром наш город оказался оклеен афишами: готовился конкурс мужских причесок, бород и усов. Последнее меня взволновало. Дело в том, что в течение многих лет я являюсь обладателем пышных, прекрасно ухоженных усов, вызывающих восторг у молодых женщин и зависть у мужчин всех возрастов.

Я подал заявление в конкурсную комиссию. Секретарь прочитал и спросил:

— Имеется ли у вас удостоверение?

— Какое? — не понял я.

— Что усы у вас настоящие.

— Как вы можете сомневаться! — обиделся я.— Дерните посильнее за ус и убедитесь.

— Дергать за усы претендентов не входит в мои обязанности,— рассердился секретарь.— А кроме того, в наш век всевозможных синтетических клеев дерганьем ничего не докажешь. Нет, нет, нужны более веские доказательства. Принесите справку с предприятия, где вы работаете. Там вас знают и могут заверить, что усы ваши не бутафорские.

Я пошел к директору. Так, мол, и так, говорю, дайте мне справку, что усы у меня неподдельные.

Он строго посмотрел на меня.

— Вы что, всю ночь пьянствовали или вам делать нечего, что являетесь ко мне с такими шуточками?

Я объяснил, в чем суть дела, и подчеркнул, что если я на конкурсе получу за свои усы первую премию, это будет успехом всего коллектива и в особенности руководства, которое заботится о внешности своих работников.

Директор был польщен, но, заглянув в какой-то документ, пожал плечами.

— Увы, вот передо мной правила внутреннего распорядка на производстве. И здесь ничего не сказано об усах. Обратитесь лучше в домоуправление.

Управляющий домом мне не отказал.

— Что за вопрос! — воскликнул он.— Я выдам вам такую справку. Но мне нужно основание. Возьмите от трех жильцов дома письменное подтверждение, что они знают ваши усы и заверяют их подлинность.

Я отправился к соседу по лестничной клетке. Объяснил все как есть. Положил перед ним лист чистой бумаги и шариковую ручку.

Лицо соседа осунулось.

— Войди в мое положение,— сказал он,— конечно, я тебя знаю не первый год. Вместе мы ходим на футбольные матчи, вместе ездим на рыбалку, но что касается твоих усов... не могу я подписаться, понимаешь, не могу. Возможно, усы настоящие, а вдруг нет! Я подпишусь, а потом меня обвинят в лжесвидетельстве. А у меня трое детей...

Второй сосед оказался сговорчивее.

— О чем речь! — сказал он.— Пишите справку, я подпишу. Но... услуга за услугу. Вы мне взамен дадите справку, что являетесь постоянным покупателем магазина, которым я заведую, и что в течение года вас там ни разу не оскорбили, не обманули, не обвесили. Вы человек уважаемый, и такое ваше свидетельство очень пригодится во время ревизии. Идет?..

— Нет, не идет,— сказал я и ушел ни с чем.

Один знакомый, разбирающийся в разных вопросах, посоветовал мне обратиться в тот родильный дом, где я появился на свет.

— Они тебя узнали раньше, чем кто-либо. Что им стоит дать справку?

Хорошенькая медсестра отвела меня к главному врачу.

— Вот этот товарищ,— сказала она,— просит дать ему справку, что у него усы не фальшивые.

— На каком основании он это просит?

— На том, что он у нас родился.

— Гм... — Врач задумался.— Видите ли, молодой человек, в нашей практике всякое бывало: рождались шестипалые, вислоухие, криворотые... но усатые! Я не дам вам такой справки из простого человеколюбия. С ней вас затаскают по научно-исследовательским институтам, вами займутся медики всех специальностей, и нельзя предвидеть, чем это для вас кончится. Человек не железо... А вы еще так молоды...

Отчаявшись, я отправился в институт красоты. Все-таки усы — это их профиль.

— Да, это наш профиль,— сказали мне там,— если вы согласитесь, мы проведем исследование ваших усов. Садитесь сюда и не дергайтесь.

Меня усадили в медицинское кресло и крепко привязали к подлокотникам. Потом намылили мои усы и двумя взмахами бритвы сбрили.

— Передайте усы в лабораторию,— услышал я, как сквозь сон.

— Можете не передавать, — простонал я.— Пока мои усы отрастут до прежней пышности, о конкурсе усатых все давно забудут...

Авторизованный перевод Н. ДАВЫДОВА.

Слова, слова...

Каждому свое: у одних отлично варит голова, у других — желудок.

Из записных книжек Гиппократа.

Иногда героизм состоит в том, чтобы назвать кого-то героем.

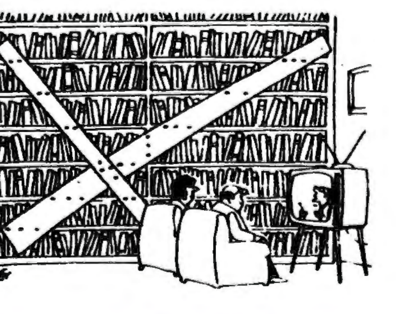
Ив Нюк, французский юморист.

Не столь уж важно, кто есть кто, если известно, кто кого.

Руди Миль, австрийский философ.

Тому, кто ведет растительное существование, требуется больше подкормки.

Коровий юмор.

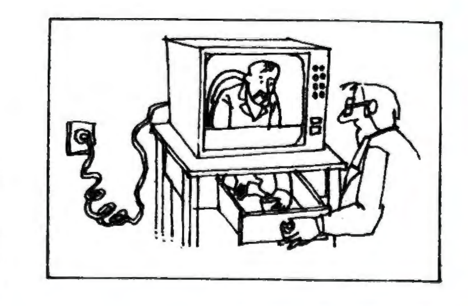

«Павлиха», Югославия.

— Да, действительно, ваша зарплата не превышает пособия по безработице, но зато вы работаете!

«Панч», Англия.

«Остен», Югославия.

КРОКОДИЛ

№ 11 (2381)
апрель

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Наш адрес:
101455, МОСКВА, ГСП, БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД, д. 14.

Телефоны:
250-10-86, 212-21-73

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: М. Абрамов, С. Ашмарин (г. Свердловск), М. Вайсборд, В. Владов, Р. Друкман, Н. Елин, Г. Заславская, Н. Малов, Е. Милутка, В. Мохов, С. Репьев, А. Помазков, Р. Самойлов, В. Тильман, Ю. Черепанов.

Технический редактор
В. П. БОРИСОВА.

Сдано в набор 12.03.82.
Подписано к печати 19.03.82.
А 05051.
Формат бумаги $70 \times 108^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 4,54.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Тираж 5 620 000 экз.
(1-й завод: 1—3 468 592 экз.).
Изд. № 828. Зак. № 2237.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп. Индекс 70448.

НЕ НАДЫШИТСЯ...

Рисунок А. КРЫЛОВА.